

О. А. МИТРОШЕНКОВ

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Духовное и нравственное как высшие измерения социального бытия

Различные понимания духовного и духовности, имеющиеся как в религиозной, так и светской мысли, объединяет один общий момент. Духовное всегда связывается с выходом за пределы эгоистических интересов, личной пользы, своекорыстия. Духовное предполагает, что цели и экзистенциальные ориентиры личности укоренены в системе надындивидуальных ценностей.

В традиционно философском понимании духовность включает три начала — познавательное, нравственное и эстетическое. Этим трем способностям человеческой природы соответствуют три сферы духовной деятельности — создающие научное знание и философию, нравственность, искусство. Им, в свою очередь, соответствуют духовные ценности, относимые к разряду высших, — истина, добро, красота. В истории человечества выработались и три «чистых» типа духовных творцов — познающий (мыслитель, мудрец, ученый), праведник (святой), художник (поэт, композитор, музыкант, живописец и т. д.). Все три стороны образуют то, что называется духовной жизнью, духовным поиском. По своей сути добро, истина и красота — экзистенциальные константы в духовных исканиях людей, различные способы обретения одного и того же — высшего смысла жизни, согласия с собой и миром, гармонии. И хотя взаимоотношения их между собой складывались весьма непросто в истории духовной жизни людей, можно определенно сказать, что нравственность является ядром, нервом духовности. Ибо красота без добра холодна и бездуховна, а одно лишь бесстрастное знание способно привести к злу.

Между тем в последние несколько столетий в западной

культуре доминирующим началом являлся рационализм, интеллектуализм. На этом пути достигнуты, бесспорно, впечатляющие результаты. Однако и разрушительные начала не менее «убедительны» — рациональность не воспрепятствовала, скорее даже способствовала инквизиции, уничтожению самобытных цивилизаций, использованию рабского труда, аморальным отношениям с колониями, приходу в Европу нигилизма, религиозным и двум мировым войнам и т. п. Следствием утилитарного отношения к природе, опиравшегося на понимание науки и техники как средства силового овладения природным и социальным миром, стал экологический кризис. Утилитаризация человеческих отношений привела к отчуждению между людьми и между поколениями, утрате смысложизненных ориентиров, потере самоидентификации, «одномерности» (выражение Г. Маркузе) существования. Как заметил М. Вебер, процесс рационализации сопровождается «расколдовыванием мира», не нуждающегося более в духовных измерениях, а посему добро, истина и красота превратились в разных богов, тянущих человека в разные стороны. Дезинтеграция внутренних духовных сил человека достигла высочайшей степени.

Перспективы технологической цивилизации, подошедшей к пределам своего развития исключительно на пути рационализма, связаны с возвратом к духовности. Суть этого процесса состоит во включении достижений технологического развития в преобразованном виде в состав качественно новой целостности, в переходе к новой системе отношений человека, общества и природы. Возврат к духовным измерениям современной цивилизации предполагает признание суверенности и ценности Иного — природной реальности, другого человека, иной культуры и системы ценностей, прошлого. В этом контексте по отношению к ним становятся невозможными прежние средства — стремление подчинить, грубая сила, чисто рациональные и утилитарные подходы. С Иным возможны диалог, коммуникация, в ходе которых меняется каждый участник, но не нажим, не давление.

Взгляд Бентама на то, что «сообщество — это фикция»,

слишком надолго пережил его время.

Одиночество, покинутость, неприкаянность могут быть преодолены в таких социальных формах бытия и действия, в которых личность признается и принимается как таковая другими людьми. Это могут быть любовь, дружба, творчество, религиозное единение. Но в любом случае атомизированное бытие людей в обществе устраняется на основе духовного возвышения человека, отречения от себя только как потребляющего, ожидающего участливого отношения лишь со стороны других людей.

Иными словами, партикулярность преодолевается на основе нравственности, в соединении с другими не просто в наслаждении, пользовании, но, безусловно, — в заботе, милосердии, альтруизме. Сама мораль начинается с различности *Я* и *Ты*, с внутренней раздвоенности *Я*, с интенции к преодолению обособленности людей в обществе. Это обстоятельство выражено в классических формулах *золотого правила* (Мф. 7:12) и *заповеди любви* (Лк. 10:27), составляющих существенное содержание морали. И хотя повседневный нравственный опыт не способствует восприятию этих формул как отражения фундаментальных оснований бытия человека, заключенное в них ценностно-императивное содержание, во-первых, является транскультурным, во-вторых, во всех культурах воспринимается как базовое, в-третьих, конструктивно коррелирует с теоретическими выводами моральной философии. Это позволяет определить мораль как систему ценностей, ориентирующих человека на идеал единения, который выражается в примиренности, солидарности, милосердной любви¹. Более того, согласно предложенной А. Швейцером и получившей признание этике «благоговения перед жизнью», высшей ценностью является сама жизнь. Основной принцип нравственного состоит в том, чтобы испытывать побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к своей воле к жизни, так и по отно-

¹ См.: Апресян Р. Г. Первичные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 43, 32.

шению к любой другой. Добром в этой системе координат является только то, что служит сохранению и развитию жизни; всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда независимо от того, при каких условиях это произошло, есть зло.

Понимаемая подобным образом мораль задает спонтанно-экзистенциальным поискам человека ориентиры, которые соответствовали бы потребностям и ожиданиям, сформированным в рамках первичного опыта, в частности материнства и детства, и тем самым предлагает императивы таких человеческих отношений, которые никак не вытекают из характера и парадигм общественных связей, то есть формирующихся в рамках функционирования людей как членов социальных систем, носителей извне воспринятых ролей, участников политических движений и т. п. Иначе говоря, мораль не выводима рационально исключительно из логики социальной жизни. Именно поэтому она и может быть и абсолютной, и категоричной, и трансцендентной в той мере, в какой утверждает идеал совершенства и предоставляет человеку возможность выйти за пределы внешних обстоятельств и обрести себя как внутренне свободную личность. Обоснование морали возможно из нее самой, из ее априорных императивов², предназначение которых достаточно очевидно, стоит лишь содержательно включить их в контекст социальной жизни.

Нравственное расположение духа — условие экзистенциально осмысленных бытия, социальной деятельности и, в частности, социальной работы. Духовность, окрашенная высокой нравственностью, проявляется в восстановлении и развитии системы высших, надличностных гуманистических ценностей, определяющих цели, идеалы и смыслы общественного и индивидуального бытия, в осознании ценности человеческой личности, ее совести, чести и достоинства, самой человеческой жизни. Духовность означает возрождение «сакральных» зон, не допускающих цинизма, нигилизма и глумления над тем, что связано

² См. Апресян Р. Г. Первичные детерминанты нравственного опыта // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 44, 45.

или с антропологическими пределами человеческой жизни — священностью рождения, материнства, отцовства, детства, болезни, смерти, или с сущностными признаками человеческого духовного образа, с утратой которого индивид может называться «особью», но не человеком в смысле нравственного, культурного, свободного человека.

2. Ценности и нравственные ориентиры социальной работы

Духовную силу люди обретают лишь тогда, когда в каждом отдельном случае добиваются гуманности. Однако они недостаточно для этого прилагают усилий, чувствуя себя во власти расчетливой и безличной морали благоприятных обстоятельств, обычно не требующей значительных усилий ума и воли. Эта мораль способна ради осуществления ничтожных интересов оправдать любое зло. Поэтому часто одна безличная мораль благоприятных обстоятельств противостоит столь же безличной морали благоприятных обстоятельств. Все проблемы решаются бесцельной борьбой этих сил, ибо не существует нравственных убеждений, которые могут сделать эти проблемы разрешимыми. Только в усилиях по достижению гуманности рождаются силы, способные действовать в направлении истинно разумного и целесообразного и одновременно оказывать благотворное воздействие на существующие нравственные убеждения.

Возведение жизни до уровня высшей ценности побуждает людей почувствовать безграничную ответственность в их отношениях с другими людьми. Нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и воздерживается от того, чтобы причинить вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, как и то, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь как таковая. Если субъективная воля одного индивида действует на благо жизни другого, то эта воля переживает единение с бесконечным, в котором всякая жизнь едина и являет собой высшее

ценностное измерение и инстанцию. Это способствует нейтрализации экзистенциального вакуума и обретению полноты бытия в мире, представляющем собой драму раздвоения воли к жизни в результате самоутверждения одной воли к жизни за счет другой.

Состояние современного общества в любой точке планеты таково, что оно нуждается, хотя и в разной степени, в развитии социальной сферы и особой разновидности социальной деятельности — социальной работы. Как культура, философия, наука, образование, отношение к прошлому и будущему, так и уровень и качество социальной работы отражают самоидентификацию и самосознание нации, степень цивилизованности и гуманности государства. Социальная работа призвана оказывать помощь тем, чьи физические, психологические и моральные ресурсы недостаточны, возможности невелики, а способности самостоятельно разрешить свои трудности неудовлетворительны.

Основываясь на гуманизме и нравственном расположении духа, социальная работа ориентируется на ключевые элементы комплекса ценностей, сохраняющиеся с незначительными изменениями в ходе всей ее истории — *благополучие людей, социальная справедливость, достоинство индивида*. Повседневные же этические проблемы социальных работников под воздействием времени больше подвержены трансформациям. Так, возникшая в 70-е годы биоэтика явилась ответом на «проблемные ситуации» в клинической практике — эвтаназию, искусственное оплодотворение, пересадку жизненно важных органов и т. п. Принципиальная новизна «проблемных ситуаций» заключалась в следующем. Во-первых, они были и остаются связанными с теми направлениями медицины и биологии, где врачи и ученые манипулируют процессами рождения и умирания. Во-вторых, в рамках «проблемных ситуаций» некоторые классические этические стандарты врачевания обнаружили очевидную недостаточность. Поиск выходов из этих ситуаций — нечто большее, чем моральный выбор конкретного врача, это — человечество перед нравственным выбором, открытость самого идеала гуманности.

В-третьих, широкое обсуждение «проблемных ситуаций» в обществе стало манифестацией идеологии защиты прав человека в медицине, что оказалось созвучным моральным дилеммам, возникающим при оказании психиатрической помощи. В этом контексте смысл биоэтики как разновидности интеллектуальной деятельности и социальной практики заключается в попытке обнаружить возможности диалога и солидарности людей в защите добра и противостоянии злу в ситуациях, порожденных современной медициной.

Таким же образом в результате масштабной компьютеризации социальные работники столкнулись с этическими проблемами относительно сохранения конфиденциальности, что является новым явлением по сравнению с иными обстоятельствами и возможностями прошлого.

Широкий круг традиционных и новых духовно-нравственных детерминант и ценностных ориентиров социальной работы касается трех различных и вместе с тем взаимосвязанных уровней и аспектов. Речь идет, *во-первых*, о зависимости ее ценностной базы от миссии, целей и задач, *во-вторых*, о внедрении этических стандартов профессии, *в-третьих*, об этических дилеммах, с которыми сталкиваются социальные работники при выполнении своих обязанностей.

Гуманистической целью и ключевой ценностью социальной работы является, как отмечалось, благополучие людей, имеющих проблемы, связанные с бедностью, детством, старостью, голодом, здоровьем, психологическим состоянием, занятостью, обеспеченностью жильем и т. п. Это означает, что подход к жизни каждого индивида как высшему ценностному измерению дополняется пониманием того обстоятельства, что сама эта жизнь должна быть достойной человека. Каждый человек ценен своей уникальностью, которую следует учитывать и уважать. Обладая основными потребностями — в пище, одежде, жилище, здоровье, люди имеют право на уважение и достойное существование и должны иметь равные возможности удовлетворять эти потребности. В данном случае речь идет о принципе соци-

альной справедливости, одном из основных элементов комплекса ценностей социальной работы. Правом на помощь со стороны субъектов социальной работы обладает каждый, кто обращается к ним, без несправедливой дискриминации по половым, возрастным, расовым, национальным, религиозным, политическим признакам и мотивам. (Собственно, признание и уважение этих прав в практике социальной работы связано с признанной мировым сообществом Декларацией прав человека ООН и другими международными конвенциями, вытекающими из этого документа.)

Гуманистические ориентиры побуждают субъектов социальной работы к тесному взаимодействию с субъектами ожиданий и притязаний на благо последних, причем не в ущерб другим. Поощряя их к сотрудничеству, социальные работники исходят из того, чтобы клиенты вместе с ними предпринимали усилия по изменению своего положения, хотя это и не всегда возможно, особенно когда последние беспомощны в силу возраста, болезни, иных причин. Наконец, социальная работа несовместима с прямой или косвенной поддержкой индивидов, групп, властных структур, использующих террор, пытки, неоправданное насилие или другие действия, направленные на угнетение людей.

Ввиду динамизма развития общества, трудностей ориентации в рассмотренных ценностях едва ли возможны универсальные этические рецепты в социальной работе. Существует лишь одна возможность оказаться на высоте по отношению к нынешним и грядущим моральным вызовам — там, где это возможно, поощрять нравственное сознание. Наиболее актуальными являются развитие *профессиональной этики* и соответствующее образование.

Рост интереса к профессиональным ценностям и этике обусловлен несколькими причинами. Технический прогресс поставил профессионалов перед нравственным выбором, который был неизвестен предыдущим поколениям социальных работников. Развитие здравоохранения, компьютерные технологии, политические и иные факторы сопровождались чрезвычайным

усложнением требований, относящихся к ценностям и этике. Кроме того, социальные работники столкнулись с необходимостью опираться на все более ограниченные ресурсы, невысокий социальный статус профессии, что внесло свои изменения в ценностные ориентации и этику профессиональной жизни. Внимание к последним отражает также становление и развитие самой профессии, ибо на них основывается ее репутация.

3. Ответственность как конституирующий принцип социальной работы

Принципы и стандарты этического поведения сведены, как правило, в национальные и международные уставы, кодексы, декларации. В них формулируются программные цели и долговременные ценности социальной работы; предписывающие и запрещающие принципы; ключевые положения, определяющие ответственность и обязательства социальных работников. Если рассматривать их как всего лишь моральные сентенции, то они выглядят азбучными. Если же их поместить в контекст реальных трудностей и невзгод конкретных людей, то можно сравнить с «архимедовым рычагом», с помощью которого производятся радикальные изменения в социальной работе, особенно в последние десятилетия.

Поведение и образ действий, предписываемые профессиональной этикой, основываются на балансе личных интересов социального работника и его обязанностей. Последние предусматривают конкретные действия по улучшению положения людей, профессиональное обучение и компетенцию, участие в исследовательской деятельности, честность и категорически исключают мошенничество, оскорбление, обман, дискриминацию. Этическая ответственность *перед клиентами* предполагает приоритет интересов последних, запрет на использование их для получения частной выгоды и на раскрытие информации третьим лицам. Ответственность *перед коллегами* касается проблем, возникающих при контактах с другими профессиональными работниками — сотрудничество, корректность, разрешение конфлик-

тов, использование коллег для получения личной выгоды, временное предоставление услуг клиентам коллег и т. п. Этическая ответственность *перед работодателями* базируется на необходимости твердо выполнять свои обязанности перед соответствующим агентом (органом) социальной работы (защиты) — действовать в соответствии с принятыми процедурами, в интересах совершенствования его политики и повышения результативности; не препятствовать профессиональной деятельности социального работника, проводимой в интересах его клиента; не преследовать его в связи с такой деятельностью; не допускать дискриминационной политики в вопросах приема на работу; рационально использовать ресурсы учреждения. Этическая ответственность социальных работников *перед профессией* связана с сохранением ее ценностей и предназначения, с использованием и развитием специальных знаний. В частности, от них требуется защищать и утверждать достоинство и честь своей профессии; давать ответ на неэтичное поведение коллег, включая незаконную или неквалифицированную практику; избегать дезориентирующей рекламы; основывать практические действия на точных знаниях; исследовать новые ситуации; вносить вклад в базу профессиональных знаний, методов и подходов.

Сказанное требует дополнения в виде *общефилософской концепции ответственности*, в которой были бы учтены требования времени. Идея моральности тесно связана с идеей человеческого достоинства. Человеку, обладающему развитым чувством достоинства, присуще брать на себя ответственность, поскольку он является действующим и относительно свободным в своей способности оказывать воздействие существом. Свобода действия и ответственность обуславливают друг друга. К идее человеческого достоинства относится уважение к ближнему и собственной личности, а также идея существования и достойное человека продолжение существования. Будучи разумным, то есть способным частично познавать, расшифровывать взаимосвязи бытия и управлять ими, человек может и должен брать на себя ответственность за познанную сферу бытия. Только в каче-

стве существа, способного нести ответственность, человек является зрелой моральной личностью.

Однако в эпоху глобального переплетения различных взаимосвязей и взаимодействий этика любви к ближнему хотя и необходима, но уже недостаточна. Условия применения этики изменились довольно ощутимо. «Фаустовский договор» с социальным прогрессом нельзя односторонне расторгнуть, не примирившись с ухудшением обеспеченности, снижением жизненного уровня, эффективности экономики и т. п. И этого договора можно придерживаться только в рамках гуманной ответственности, за счет более зрелого, более гуманного обращения с возможностями социальной (особенно технической) экспансии. Предметом обсуждения может быть не упразднение или остановка социального — научного, технического и иного развития. Именно на основании моральной ответственности за исторически возникшее и существующее человечество, динамика популяции и обеспечения которого все в большей мере становилась зависимой от развития общества, можно утверждать, что предметом обсуждения может быть только глобально-этически ориентированная гуманизация социальной экспансии и возможностей. Это означает, что новая ситуация возникла и для этической ориентации, которая требует новых правил поведения и норм, относящихся уже не только к индивидам, но и группам и сообществам людей. В связи с этим концепция ответственности должна быть расширена: необходимо осуществить переход от концепции ответственности *ex post* («после того») к своевременной и предупреждающей ответственности, от ориентированной на прошлое ответственности за результат действия к ориентированной на будущее ответственности, которая определяется способностью контролировать и возможностью располагать властью.

Действительно, перед лицом сложных кумулятивных воздействий уже не может быть достаточной концепция ответственности, ориентированной на отдельное лицо и изолированную активность. Ответственность индивида затруднена при

комбинированных и коллективных действиях. И поскольку недопустимо, чтобы эти «не приписываемые» индивиду и в то же время имеющие последствия воздействия были предоставлены сами себе, должны быть определены коллективные виды ответственности, ставящие цель предотвратить эти опасные или нежелательные последствия³. Это не означает «отмены» традиционной индивидуально ориентированной этики частных моральных обязательств, она лишь должна быть расширена до этики, выходящей за временные рамки настоящего, ориентированной и на будущее, и распространена на действующие сообщества, коллективы, группы, а также на власти, особенно там, где последние бездействуют. Создание новых зависимостей создает и новую моральную ответственность как личного, так и надличного (но не внеличного) характера.

Коллективная ответственность, ответственность сообществ не означает ответственности «всех за все» и, следовательно, безответственность. Она должна быть делимой. За масштабные проекты, действия, решения отдельный человек может нести ответственность чаще всего формально, что не является достаточным.

4. Этические дилеммы и ценностные противоречия в социальной работе

Рассмотренные нравственные парадигмы и ценностные ориентиры — жизнь, достоинство человека, гуманность, добро, любовь, благополучие людей, социальная справедливость, ответственность — являются основаниями, на которых строится конкретная социальная работа. На практике социальным работникам приходится сталкиваться с разнообразными этическими проблемами и дилеммами вследствие их обязательств по отношению к клиентам, коллегам, собственной профессии, обществу в целом. Эти проблемы чаще всего расплывчаты, неопределенны и порождают неуверенность, стремление не замечать и укло-

³ См.: Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 372—392.

няться от них. Легко на словах, абстрактно придерживаться величественных ценностей, изложенных в монографиях и учебниках, и таким образом проявлять свою ответственность. Но применять для руководства в повседневной работе такие, например, абстрактные ценности, как самоопределение или суверенность личности клиента, не только трудно, но подчас и опасно, если они вызывают у социального работника ложное чувство самоуспокоенности, в то время как клиент не в состоянии адекватно их реализовать.

Большинство затруднений для социального работника обусловлено необходимостью выбора между двумя или более противоречивыми обязательствами. Например, многие национальные этические кодексы и уставы требуют от социальных работников не участвовать в действиях, нарушающих или уменьшающих гражданские или юридические права клиентов. В то же время социальные работники должны соблюдать свои обязательства перед организацией-работодателем. Совершенно реальна ситуация, когда эти два принципа вступают в противоречие друг с другом, если политика учреждения, которому переданы права, приводит к нарушению гражданских прав клиентов, например, в силу финансовых интересов или корысти в случае «распределения» гуманитарной помощи.

Проблемные области и этические дилеммы не являются общими для разных стран из-за различий в культуре и государственном управлении. Каждая национальная ассоциация социальных работников должна поощрять дискуссии с целью выяснения важнейших вопросов и проблем, характерных для данной страны. Тем не менее можно выделить группу этических дилемм, которые рано или поздно возникают в практической социальной работе в любом обществе и к преодолению которых в силу предупреждающей ответственности следует быть подготовленными.

1. *Независимость и манипулирование.* Для социального работника, который рассматривает независимость человека как одну из базовых ценностей, всякое управление его поведением

выглядит как манипулирование и, следовательно, как разрушение самой сущности гуманизма. Там, где можно решить проблемы без манипулирования волей человека, вопрос о ценностях не стоит. Но если такое решение невозможно без хотя бы незначительного воздействия или навязывания ценностей, а цель заманчива и реальна, социальный работник сталкивается с этической дилеммой. Например, настаивая на том, что человек должен не мириться с обстоятельствами, а стремиться их изменять, что надо рационально использовать достоверные знания и планировать свое будущее, социальный работник не может быть уверен, будто бытие станет совершеннее благодаря его усилиям. Не может он быть уверен, что данная ситуация и не ухудшится от его вмешательства.

Имея дело с пессимистически настроенными людьми, социальные работники нередко используют такие выражения, как «безразличие и сопротивляемость клиента», «помощь в осознании клиентом его ситуации и необходимости ее преодоления», «помощь человеку в развитии его сопротивляемости трудностям» и другие. Однако в известном смысле эти выражения — лишь эвфемизмы стремления внедрить в сознание людей ценности самого социального работника и его веры в успех перемен, что, вероятно, должно рассматриваться как форма манипуляции.

В этих и других подобных ситуациях спорным является вопрос о пределах независимости человека от воли социального работника, о праве клиента на принятие решения и обязанности социального работника определять, в каких рамках он может предоставить это право клиенту. Поэтому в социальной работе необходимо ограничивать возможности манипулирования сознанием и поведением с тем, чтобы ориентировать клиента на идентификацию собственных ценностей и соотнесение с ними своих поступков. Когда в центре внимания клиента находятся его собственные ценности, потенциал манипулирования снижается. Для этого надо развивать способности клиента делать осознанный и целенаправленный выбор ценностей и нести ответственность за этот выбор.

2. *Патернализм и самоопределение.* Одна из ключевых ценностей социальной работы — благополучие клиентов — тесно связана с проблемой патернализма. Патерналистская парадигма предполагает опекунскую модель отношений социального работника и клиента, «ведение» последнего, допускает вмешательство в его желания или свободу для его же собственного блага. В интересах клиента, защиты его от самого себя патернализм считает возможным ограничивать саморазрушительные действия клиента, обязывать его принимать услуги против желания или принудительно, утаивать информацию или предоставлять дезинформацию и т. п.

Подобная практика воспринимается неоднозначно и вызывает споры о пределах допустимости патернализма. С одной стороны, считается возможным предоставить клиенту право на определенные формы саморазрушительного и рискованного поведения, с другой — социальные работники ответственны за защиту клиентов от них самих в случае их неадекватного восприятия мира и действий. Эта этическая дилемма связана с самоопределением клиентов и их способностью осознать свое положение и принять оптимальное решение.

В современном мире патерналистская модель социальной работы постепенно — на Западе быстрее, в России значительно медленнее — утрачивает свои позиции. Укрепляется *принцип информированного согласия*, превращающий клиента из пассивного получателя благ и объекта для манипуляций в партнера. Это означает совместное принятие социальным работником и клиентом решения о помощи и признание того факта, что обе стороны вносят нечто существенное во взаимоотношения и эффективный характер сотрудничества. В самом деле, только клиент знает свои ценности, которые приобретают решающее значение при оценке ожидаемых результатов помощи. Большинство людей заинтересовано в том, чтобы самостоятельно принимать решения; влияющие на их жизнь.

Самоопределение человека есть одна из высших ценностей, и социальная работа не должна являться исключением.

3. *Необходимость говорить правду.* Эта дилемма связана с предыдущей и состоит в том, что, с одной стороны, не подвергается сомнению законное право клиентов на получение достоверной информации о делах, связанных с их состоянием и благополучием, и считается, что нельзя отказывать им в правдивой информации или предоставлять дезинформацию. С другой стороны, в отдельных случаях представляется этически оправданным и даже необходимым скрыть правду от клиентов или «снабдить» их дезинформацией («спасительной ложью») для их же пользы.

В западной практике социальной работы преобладает первая позиция, в российской — пока вторая. В сочетании с низкой правовой культурой акцент на возможности обмана, хотя бы и «спасительного», представляет собой размывание нравственных ценностей и профессиональной этики, а также реальную почву не только для нарушений закона, но и криминализации отношений «социальный работник — клиент».

4. *Конфиденциальность и частный характер сообщений.* Во всех национальных этических кодексах и уставах содержится положение о том, что социальный работник, уважая личность и достоинство клиента, должен сохранять полученную от него информацию строго конфиденциально. Информация, используемая в одном случае, не должна быть применена для других целей без соответствующих санкций. Хотя это справедливо почти всегда, в отдельных случаях социальные работники вынуждены рассматривать возможность раскрытия конфиденциальной информации, например перед лицом угрозы со стороны клиента третьему лицу. Отсюда возникает необходимость информировать клиента о границах конфиденциальности в конкретной ситуации, о целях получения информации и ее пользования и одновременно получить согласие клиента, например, на печатание, запись разговора, участие третьего лица.

Масштабная компьютеризация всех сфер социума, возможность доступа к информации через электронные средства также ставят проблему конфиденциальности.

Хотя профессиональная этика предусматривает возможность раскрытия конфиденциальных сведений, среди социальных работников не существует согласия, при каких именно условиях допустимо это раскрытие. Считается, что побудить к этому могут чрезвычайные обстоятельства. На наш взгляд, отсутствие ясности в этом вопросе влечет необходимость более глубокого обсуждения моральных оснований проблемы. Кроме того, при определенных обстоятельствах рассматриваемую дилемму можно квалифицировать не только как этическую, но и как этико-юридическую.

5. *Доносительство.* Подчас социальные работники вынужденно или сознательно преступают закон или нарушают правила учреждений, в которых работают. В этом случае они ставят перед моральным выбором своих коллег, которые узнали об этих нарушениях. На одной чаше весов находятся нормы профессиональной этики, на другой — профессиональная лояльность и солидарность, чувство дружбы, репутация, угроза собственному положению. Бремя и сложность подобного выбора побуждают социальных работников опасаться выявлять и делать предметом гласности правонарушения в своей профессии. Поэтому те из них, кто получил информацию и доказательства этически или юридически неправомерных действий своих коллег, вынуждены тщательно взвешивать свои действия ввиду своих обязательств по отношению к профессии, клиентам, коллегам, организации, своему будущему.

6. *Законы и благополучие клиента.* Законодательство не может предусмотреть все многообразие социальной жизни, поэтому подчас благополучие клиента вступает с ним в противоречие. В ряде случаев следование букве закона способно причинить вред клиенту, что ставит социальных работников перед сложным выбором. Некоторые из них считают допустимыми любые действия с целью защиты интересов клиента, даже если они нарушают закон или другие этические нормы; большинство же социальных работников выбирает закон. В России нередко приоритет отдается нравственным решениям. Как и в случае с дру-

гими этическими дилеммами, простых ответов здесь нет.

7. *Личные и профессиональные ценности.* В основе еще одной группы этических дилемм лежит конфликт между личными и профессиональными ценностями социального работника. Он может быть не согласен с клиентом по политическим, религиозным, нравственным и иным мотивам, но обязан исполнить профессиональный долг. Мнения социальных работников о том, каким ценностям отдать приоритет, далеко не всегда совпадают. В каждом случае социальный работник должен соотнести обязательства перед клиентом, профессией, организацией, коллегами, третьими лицами, самим собой. Здесь необходимо также понимать природу воздействия субъективных ценностей на осознание проблем другого — клиента, специфики социальной работы, применение специальных знаний⁴.

Эти и другие этические проблемы социальной работы требуют выработки способов их преодоления. В теоретическом плане в истории философии, этики и религии за многие сотни лет было предложено немало теорий и идей, касающихся моральных противоречий. Многие из них могут быть основой решений этических проблем и в социальной работе, которые тем не менее имеют свои особенности в силу специфики не только профессии и времени, но и каждой страны, к которой это относится.

В известной мере ситуация облегчается тем, что аналогичные проблемы разрабатываются и в других областях человеческой активности — науке, технике, медицине, педагогике, психологии и других. На стыке биомедицины и этики даже возникла биоэтика как исследовательское направление междисциплинарного характера. Выработанные здесь решения могут быть полезными для социальной работы.

Этические кодексы, в которых социальные работники стремятся найти ответы, не всегда способны удовлетворить их за-

⁴ См. также: Ример Ф. Г. Ценности и этика. Энциклопедия социальной работы: В 3 т. М., 1993-1994. Т. 3. 1994. С. 385-392.

просы, поскольку, во-первых, составлены в общих терминах и с довольно высокой степенью абстракции, а во-вторых, содержат принципы, которые в ряде случаев противоречивы и сами представляют этическую дилемму.

В любом случае рассмотренная проблематика подтверждает, что в динамичном мире перманентной переоценки ценностей и «борьбы богов», продолжения традиций и рождения новой картины мира ни одна человеческая «система» мышления и ценностей, включая религиозную и основывающуюся на светских гуманистических принципах, не может претендовать на воплощение полной истины, подлинной «святости» и совершенства. Это относится и к социальной работе во всех ее содержательных и национальных формах, ее духовно-нравственным парадигмам и ориентирам. Главная миссия социальной работы — помочь человеку быть человеком, обрести чувство солидарности с другими людьми и разделить ответственность за их судьбу. Это и есть этика солидарности, преодолевающая отчуждение и разъединение людей в этом мире.